

Юлия Шахрай

**ДЕВУШКА,
КОТОРАЯ СЛЫШИТ
ГОЛОСА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ш32

Ш32 **Шахрай Ю.**
Девушка, которая слышит голоса / Юлия Шахрай – М.: Литнет, 2025. – 196 с.

ISBN 978-5-521-94324-1

Жизнь Лии разделяется на «до» и «после» в ночь, когда она просыпается на кладбище возле частично раскопанной могилы. Она совершенно не понимает, как здесь оказалась, ведь засыпала она как обычно в своей постели. С каждым днем количество странностей увеличивается – она начинает слышать голоса, которые не слышат остальные. Она боится, как отнесется к этому ее лучший друг, в которого она тайно влюблена. Мир Оллари

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94324-1

© Литнет, 2025
© Ю. Шахрай, 2025

Глава 1

В комнате темно настолько, что невозможно рассмотреть трещины в стенах или облупившуюся краску на потолке, но я знаю, что они там есть. Можно было бы представить, что я осталась в этом мире в одиночестве или вовсе нахожусь в безвременье, но тишину нарушает посапывание младших братьев, с которыми я делю комнату.

Засыпать страшно. Что если я ночью снова проснусь на кладбище, как случилось вчера? Повезло, что это произошло до первых петухов, и я смогла незамеченной пробраться домой огородами. А если бы уже наступило утро?.. Лучше об этом не думать. Может, это случайность, которая больше не повторится? Очень хочется на это надеяться, но что-то мне подсказывает... Лучше об этом не думать!

Может быть, попробовать и вовсе не спать? Смогу ли я? Если засну на уроке, станет только хуже – учитель хоть и добрый, но не до такой степени – наверняка напишет замечание в дневник, и мне потом влетит.

И спать страшно, и не спать страшно. Похоже, правильного решения просто нет.

Как бы мне хотелось, чтобы прошлая ночь оказалась лишь дурным сном...

Просыпаюсь под противного дребезжания. Резко сажусь на кровати и какое-то время пытаюсь вынырнуть из липкого кошмара, в котором я от кого-то убегала, но каждый раз этот кто-то находил меня, и мне снова приходилось улепетывать. А потом все повторялось снова. Наконец до меня доходит, что противный звук издает мой будильник. Выключаю его и тревожно осматриваю ноги. К моему облегчению, они чистые. Может быть, тот случай действительно больше не повторится, и я зря волнуюсь?

Натягиваю на себя платье, заплетаю косу и отправляюсь на кухню. Родители уже ушли на работу, а значит, я снова осталась за старшую.

Первым делом бегу справить нужду в деревянное строение за сараем, после этого скоренько умываюсь и бегом в хлев доить корову. Точного времени, когда пастух начнет собирать скотину на выпас, нет, так что на всякий случай лучше закончить пораньше.

Как в воду глядела – стоит отнести ведро с молоком в сенцы, раздается звук пастушьего рога. Выгоняю Марену из сарая на скотный двор и выглядываю на улицу. Уже пора? Или еще нет? Дожидаюсь, пока соседка выгонит свою корову, и только после этого выпроваживаю Марену. Теперь можно немного выдохнуть – самой главной заботой меньше.

Возвращаюсь в дом. Растапливаю печь, а затем скоренько убираю разбросанные вещи. Обьедки со стола отправляю в миску для собаки, мою гору грязной посуды, протираю стол и подметаю. Критически осматриваю комнату – вроде все чисто, и матери на этот раз не к чему будет придраться. Наверное. Очень на это надеюсь. Хотя, если она захочет поорать, повод все равно отыщет.

В коридоре обнаруживаю чугунок с едой для свиней и жмых для кур. Сперва кормлю свинью, а после, вернув пустой чугунок в коридор, иду в курятник. Высыпаю курам корм, а в освободившуюся миску собираю яйца, некоторые из которых еще теплые.

Дома проверяю время – десяток минут до того момента, когда нужно разбудить детей, еще есть, поэтому перекладываю в тарелку четыре яйца и иду с ними к вдове бабе Мане, дом которой находится в паре минут ходьбы от нашего. Ее старший сын три года назад погиб, вот и осталась она одна. Каждый помогает, чем может – моя мать вот яйца просила ей каждое утро относить, а отчим дровами иногда делится.

У калитки останавливаюсь и опасливо прислушиваюсь. Вроде бы тихо. Осторожно поднимаю щеколду, приоткрываю калитку и заглядываю во двор. Вреднучей козы, которая любит подкрадываться и втыкать рога в самые чувствительные места, в обозримом пространстве нет, но по своему опыту знаю – расслабляться рано.

Стремительно прохожу во двор, практически бегом преодолеваю расстояние до входной двери, распахиваю ее и шмыгаю в сенцы.

Облегченно выдыхаю, даю себе пару мгновений отдышаться, а затем стучу и захожу в небольшую комнату, всю обстановку которой составляют огромная печь, кровать с резным деревянным изголовьем, стол в окружении четырех табуретов, сундук и небольшой буфет с расставленной в нем посудой.

Баба Маня выходит мне навстречу. Приветливо улыбаюсь подслеповато щурящейся старушке:

– Я вам яиц принесла.

– Спасибо, доченька!

Перекладываю яйца в тарелку из буфета и внезапно слышу, словно мужской голос громко и четко произносит: «Тут он! Он тут! Тут!» Осматриваюсь, ища глазами гостя, с которым не поздоровалась, и улыбка сползает с моего лица – в доме всего одна комната и кроме нас с бабой Маней в ней никого нет.

Кто это? Кто? От страха покрываюсь мурашками. Может быть, мне показалось? Скомкано прощаюсь и спешу покинуть дом, но в спину мне вновь доносится напористое: «Да тут же он!». Волосы встают дыбом, воздух словно густеет и веет такой жутью, что все-таки срываюсь на бег. Останавливаюсь, только закрыв за собой дверь в комнату, которую делю с братьями. Захлебываясь рваным дыханием, чувствую, как бешено колотится в груди сердце.

Через какое-то время мой взгляд падает на часы и прежний страх вытесняется новым – если не потороплюсь, наверняка опоздаю, а значит, нарвусь на лекцию от матери. Снова начнет орать, что я лентяйка и дармоедка. А если сильно разозлится, мне и перепасть может.

Бужу братьев, выдаю им одежду с наказом одеваться, а сама иду на кухню. Разбиваю на сковороду шесть яиц и, пока они жарятся, скоренько разливаю молоко по стаканам. Отрезаю по ломтю хлеба и раскладываю вилки. К моменту, как братья успевают одеть-

ся и посетить туалет, яичница уже разложена по тарелкам, и мы можем приступить к завтраку.

Стремительно уминаю свою порцию и, дожевывая последний кусок, быстренько отрезаю себе сыр с хлебом, чтобы было чем перекусить в школе, и кладу его в сумку. После завтрака поспешно мою посуду и протираю столешницу, а затем выпроваживаю детей на улицу и закрываю за нами дверь на замок, ключ от которого прячу под одним из чугунков, на случай если кто-то из родителей вернется домой пораньше.

На улице уже дожидается Йон. Увидев меня он так лучезарно улыбается, что я сразу же забываю о своих тревогах и волнениях. Улыбаюсь в ответ:

– Привет! Вечно ты за мной заходишь, хотя должно быть наоборот.

– Кто же виноват, что ты такая копуша, – смеется он.

Притворно хмурюсь, но потом все-таки не могу сдержать смех. Йон всегда на меня так действует. Знаю, что он обзывается не все-ррез, поэтому и не могу обижаться. Иногда я благодарю Богов за то, что он есть в моей жизни, иначе было бы совсем невыносимо.

Бабка моих братьев при виде меня строит недовольную мину, но как только до нее добегают мальчишки, ее лицо чудесным образом преображается и становится почти милым. Она так и не смогла окончательно принять то, что ее сын женился на женщине с ребенком. И меня не смогла принять тоже. С появлением близнецов ее неприязнь к матери несколько утихла, а вот ко мне – нет. При постоянных она еще сдерживается, но наедине иначе как выродком не называет.

Стоит нам отойти от дома бабки, Йон обеспокоенно произносит:

– Ты сегодня как-то неважно выглядишь. Болезнь вернулась?

Качаю головой:

– Нет. Просто плохо спала.

– Что-то случилось?

Определенно случилось. Но если я расскажу ему о том, что очнулась ночью на кладбище, а потом слышала странный голос, не подумает ли он, что я выдумываю? Лучше не рисковать:

– Ничего.

– Не хочешь об этом говорить?

Вздыхаю – слишком уж хорошо он меня знает:

– Не хочу.

– Мать снова на тебя орала?

Тушуюсь. Мои отношения с матерью – это не то, что бы мне хотелось обсуждать.

– Давай оставим эту тему. Лучше расскажи, ты сделал домашнее задание?

– Почти, – улыбается он. – Дашь списать последний пример?

Улыбаюсь:

– Конечно...

– Только не нужно утверждать, что он очень легкий, и я бы сам догадался, как его решить, если бы подольше подумал, – шутливо ужасается он.

Смеюсь:

– Именно это я и собиралась сказать.

– Ты слишком в меня веришь. Точные науки – не мое.

– Получается, скоро ты уедешь поступать? – наконец решаюсь задать вопрос, который последний месяц так и вертится на языке.

– Я решил еще годик поучиться в школе, а потом уже думать, что буду делать дальше.

Сердце наполняется счастьем – он не уедет! Еще целый год я смогу быть рядом с ним. Я так долго тянула, чтобы это узнать, из-за того что боялась услышать ответ, а оказалось, Йон остается. Пытаясь сдержать улыбку, интересуюсь:

– А родителям что скажешь?

– Что хочу подтянуть математику и историю.

Задавать этот вопрос не хочется из опасения, что он начнет сомне-

ваться в своем решении, но я была бы плохим другом, если бы этого не сделала:

– Почему ты решил остаться и отложить свою мечту еще на год? Я думала, ты уедешь при первой же возможности.

– Может быть, я хочу, чтобы мы уехали отсюда вместе? – смеется Йон.

Сердце пропускает удар. Он сейчас серьезно говорит или шутит? Снова не могу определить. Спросить? Или не стоит? Лучше не буду. Призрачная надежда лучше, чем совсем никакой.

– Ты все еще настроен поступить в Академию Искусств?

– Конечно. Других вариантов и быть не может.

Грустно вздыхаю:

– Завидую тому, что ты с самого детства точно знаешь, кем хочешь стать. Не то, что я.

– Придет время, и ты тоже это поймешь.

– Не уверена. Пока знаю, кем точно не хочу быть – моей матерью. Никаких коров и огородов! Магического дара у меня, к сожалению, нет, хотя было бы здорово. Пойти в Академию Искусств тоже не получится – я слишком криворукая для всех этих творческих штук. Сам же видел мои рисунки...

– Но ты можешь научиться, если захочешь. Это не так уж сложно.

– Тебе так кажется, из-за того что ты это умеешь. Да и, наверное, у меня терпения столько нет.

– Но ведь наверняка есть что-то, что тебе нравится делать?

Улыбаюсь – больше всего мне нравится быть рядом с ним. А вот если кроме этого...

– Пожалуй, я люблю читать. И то только потому, что чтение помогает перенестись в другое место и забыть о настоящем. Можно работать профессиональным читателем?

– Можно, – улыбается Йон.

– Правда? – недоверчиво уточняю я.

– Правда. В крупных городах есть газеты. В некоторых из них

имеются обзоры новостей в сфере книгопечатания – их авторы читают книгу и пишут краткое описание. Иногда делятся мнением.

– Но тогда придется читать не то, что мне нравится, а то, что будет нужно для статьи.

– Так и есть.

– Тогда не хочу.

– Может быть, когда ты посмотришь, на какие профессии можно поступить в Академиях, увидишь ту, что тебе понравится? У меня дома где-то лежат брошюры.

– Не уверена, что смогу куда-либо поступить. В деревне уровень образования наверняка не настолько высокий, чтобы конкурировать с городскими.

– Ты себя накручиваешь.

– Или это ты смотришь на все слишком оптимистично.

– В любом случае, ты можешь просто попробовать. Денег за поступление не берут, а ты поймешь, что нужно подтянуть, если не поступишь с первого раза.

Пока терзаюсь сомнениями, взгляд Йона застывает. Он все еще идет вперед, но словно по инерции. Смотрю в ту сторону и ничего не вижу – лес как лес. Беру парня за локоть, чтобы привлечь его внимание, и спрашиваю:

– Что случилось?

Он переводит взгляд на меня и беспомощно произносит:

– Цветы распустились.

Приглядываюсь повнимательнее к тому месту, куда он смотрел, и действительно вижу беленькие цветочки. Понимающе усмехаюсь:

– Хочешь их нарисовать?

– Очень. Это так красиво! Светло-зеленый луг, коричневые снизу и темно-зеленые сверху сосны. И свет, который падает прямо на цветы, отчего они кажутся ярко-белыми... Жаль, что нужно в школу.

Улыбаюсь:

– Давай поступим так – ты попробуешь сделать набросок,

а я послежу за временем. Уж десять минут мы всяко можем себе позволить. А если потом часть пути пробежим, то и того больше.

– Ты уверена? – с надеждой спрашивает Йон.

– Абсолютно! – киваю я.

– Тогда я постараюсь быстро, – он достает из сумки альбом, карандаш и начинает рисовать.

Какое-то время наблюдаю за тем, как на бумаге непостижимым для меня образом линии складываются в сосны. Йон всегда такой – как только обнаружит что-то, что покажется ему красивым, буквально застывает, как ребенок, который увидел чудо. Если его не отвлекать, может простоять так очень долго. Моего терпения хватало максимум на час, да и то мы были на озере, и я купалась, а точное время его замирания определить пока не удалось. Все еще надеюсь, что он когда-нибудь замрет в более удачном месте, в котором мне не будет скучно за ним наблюдать.

С карандашных линий мой взгляд перемещается на длинные тонкие пальцы, узкие запястья, плечо и лицо. Как всегда в такие моменты, он прикусил губу, и выглядит очень сосредоточенным. Сквозь волнистые каштановые волосы, отливающие на солнце рыжиной, видны прищуренные глаза. Обычно темно-серые. Но не в такие моменты. В такие моменты они словно светлеют, и меня это всегда немного завораживает.

Одна из прядок заслоняет ему обзор. Хочется завести ее за ухо, чтобы дотронуться до него хоть кончиками пальцев, но не решаюсь – вдруг неправильно поймет? Или, что еще хуже, правильно.

Когда, на мой взгляд, время, которое есть шанс наверстать, чтобы не опоздать на занятия, заканчивается, осторожно касаюсь плеча Йона:

– Нам пора! Прости!

– А? – он отрывает взгляд от рисунка, смотрит на меня, и в его глазах появляется понимание: – А! Конечно! Я почти закончил. А детали несложно будет потом по памяти добавить.